

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-402-405

Рецензия на книгу:
Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской.
М.: Аспект Пресс, 2020. 336 с.

В.И. Белов , **Е.М. Савичева**

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 yurtaev-vi@rudn.ru

Для цитирования: Белов В.И., Савичева Е.М. Рецензия на книгу: Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2020. 336 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 402—405. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-402-405

Book review:
Zvyagelskaya, I.D. (Eds.). (2020). The Middle East: Politics and Identity.
Moscow: Aspekt Press publ., 336 p. (In Russian)

Vladimir I. Belov , **Elena M. Savicheva**

RUDN University, Moscow, Russian Federation
 yurtaev-vi@rudn.ru

For citation: Belov, V.I., & Savicheva, E.M. (2021). Book review: Zvyagelskaya, I.D. (Eds.). (2020). The Middle East: Politics and Identity. Moscow: Aspekt Press publ., 336 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 402—405. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-402-405>

«Арабская весна», прокатившаяся по странам Ближнего Востока и Северной Африки, заметно изменила геополитический ландшафт региона, добавив оттенков и в основные краски палитры социально-политической, экономической и культурной жизни ближневосточных стран. В регионе наблюдался взлет национализма (Турция, Иран, Израиль) и исламизма, обострилось внутриконфессиональное противостояние в мире ислама, возросло влияние харизматических лидеров. Несмотря на ослабление ряда стран (Ирак, Йемен, Ливан, Ливия, Египет, Сирия), ряд из которых многие десятилетия являлись «центрами силы» в регионе, роль государства осталась определяющей, что подчеркивает

актуальность исследования процесса формирования национально-гражданской идентичности в условиях подвижной системы координат и происходящей трансформации системы международных отношений на Ближнем Востоке.

В данном контексте рецензируемая коллективная монография, подготовленная в Центре ближневосточных исследований ИМЭМО РАН и посвященная рассмотрению специфической роли фактора идентичности во внутренней и внешней политике государств региона, представляет особый интерес. Авторы подчеркивают необходимость учета феномена имеющей гибридную природу ближневосточной панидентичности. Актуализация этого

© Белов В.И., Савичева Е.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

феномена произошла вследствие стремительной трансформации действующих в обществе институтов [Ближний Восток... 2020: 7].

В монографии проблема идентичности рассмотрена в двух ракурсах — внутриполитическом и внешнеполитическом, что позволило предложить новый подход в русле интеграции востоковедческих исследований в поле современной политической науки. Понятие «идентичность» трактуется как «особое измерение общественной жизни, затрагивающее самовосприятие и самопозиционирование отдельных социально-политических групп или целых государств, определяющее модели их поведения во внутренних делах и на международной арене» [Ближний Восток... 2020: 10].

В историографическом обзоре во введении представлен вклад российских и зарубежных ученых в исследование вопросов идентичности. Особенно отмечены заслуги таких известных отечественных ученых и востоковедов, как В.Я. Белокреницкий, К.В. Вертяев, С.М. Иванов, Г.Г. Косач, Н.Г. Киреев, В.А. Кузнецов, Е.С. Мелкумян, В.В. Наумкин, В.В. Орлов, С.Ф. Орешкова, И.С. Семененко и др.

Первая глава «Идентичность, культурные символы и международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке» посвящена исследованию главным образом роли культурной идентичности в регионе. Авторский подход к анализу проблемы определялся положениями теорий символического выбора (символической политики) и социального движения [Ближний Восток... 2020: 19]. Под культурной идентичностью, которая изучается в рамках цивилизационного подхода, предложено понимать «складывающееся в процессе социализации самоотождествление человека с определенной культурной средой и господствующими в ней ценностями и традициями» [Ближний Восток... 2020: 20].

Глава насыщена интереснейшим историческим материалом, ярко иллюстрирующим базовые проявления комплекса «миф — символ»: в символике одежды, жестах, языке, поведении, названиях, памятниках, архитектуре, этнонимах и т. п., что помогает выявить «их дуальную (точнее гибридную, поскольку

в ней есть элемент разнородности) идентичность» [Ближний Восток... 2020: 23]. С учетом опыта Алжира, Афганистана, Ирака, Ливана, Сирии отмечены «черты общего для региона и для ближневосточной диаспоры на Западе процесса, который можно назвать “мотивационным смещением, или абберрацией”»: когда один, более сильный мотиватор вытесняет другой, не изменяя при этом ценностную символику» [Ближний Восток... 2020: 27].

В рассуждениях об «исламском активизме» делается акцент на сходстве исламских движений с «новыми социальными движениями» и продолжающимся процессом реисламизации [Ближний Восток... 2020: 28, 34].

В главах 2—4 раздела I дан подробный анализ формирования кластеров идентичности в арабском мире (исламская идентичность и ее «национализация»; арабская общность; национальная идентичность), особенностей процесса становления современных государств на Ближнем Востоке («фараонизм» и тамсир в Египте, этнорелигиозный национализм в Саудовской Аравии; панориентализм, панарабизм, общевосточная самоидентификация, религиозная/исламская идентичность, племенные традиции). Поставлена проблема «построения более соответствующей общественным ожиданиям и представлениям государственности, основанной на сочетании модернистского и постмодернистского дискурсов, синтезе современности и традиции» [Ближний Восток... 2020: 40].

В разделе II «От империи к национальному государству» показано, что «процессы становления национальных государств в Иране и Турции были бы невозможны без формирования современных понятий национальной идентичности в каждой из двух империй, выбравших различные пути нациестроительства» [Ближний Восток... 2020: 78].

В главе 5 подробно изучен опыт Турецкой Республики по созданию национального государства и укреплению национального единства. Подчеркивается, что «столетие спустя после исчезновения Османской империи и создания национального государства в Турции снова оказался востребованным имперский

идеологический багаж» [Ближний Восток... 2020: 91].

Как отмечается в главе 6 «Исламская Республика Иран: итоги долгого пути», «современная национальная идентичность Ирана представляет собой сложное комплексное явление, ключевыми элементами которого являются историческая память, национализм западного толка и шиитский ислам» [Ближний Восток... 2020: 105]. Авторы выделяют также «идентичности меньшего порядка»: ирано-персидскую, исламо-шиитскую, исламо-суннитскую, национальную, многочисленные племенные (в Иране проживает более 40 народов), народную, религиозную. При этом уровни общеиранской национальной идентичности могут существовать обособленно или накладываться друг на друга, образуя меньшие структурообразующие элементы.

От параметров «самовосприятия и самопозиционирования страны» зависит доминирование религиозного или национального содержания в ее политике [Ближний Восток... 2020: 102]. Хотелось бы, впрочем, рекомендовать авторам продолжить исследование вопроса, особенно в части влияния западного национализма на иранскую идентичность, с учетом работ Али Шариати, Дж. Але-Ахмада, концепций «Иран и Туран», «Великий Иран», «шахиншахский строй» и др.

В разделах III, IV и V рассмотрены особенности формирования наций и национальной идентичности (главы 7—8 — на примере Израиля, Палестины и курдов); модели политической идентичности (главы 10—13 — Турция, Сирия, Израиль, Ливан); исламской экономической модели (глава 14). Так, например, по мнению авторов, Израиль демонстрирует симбиоз светской идеологии и традиционных идентичностей, в том числе религиозной и этнической, а его политическая идентичность детерминирована специфическими условиями появления самого государства и социально-психологическими особенностями развития гражданского общества [Ближний Восток... 2020: 177]. В свою очередь, ливанская модель отличается политизацией традиционных идентичностей, и прежде всего конфессиональной, которая фактически стала

средством и инструментом внутривосточной борьбы в обществе [Ближний Восток... 2020: 195].

С точки зрения изучения региональных международных отношений наибольший интерес вызывает раздел VI «Самопозиционирование государств: региональный и международный аспекты». Так, в главе 15 «Турция: влияние политической идентичности на внешнюю политику» красной нитью проходит идея ренессанса имперского мышления Анкары, предопределяющего ее стремление к роли глобального игрока на международной арене. Такое самопозиционирование подкрепляется составляющими внешнеполитической стратегии Турции — неоосманской многовекторностью, тюркской и исламской солидарностью [Ближний Восток... 2020: 225].

В главе 16 «Саудовская Аравия: мантра об исключительности» авторы указывают на ярко выраженные лидерские амбиции Эр-Рияда, причем не только на Ближнем Востоке и в среде мусульманской уммы, но, учитывая энергетический фактор, инвестиционные возможности королевства, стремление к приобщению к новым технологиям, а также весьма выгодное геостратегическое положение, — в более широких географических рамках.

Глава 17 «Иран: в поисках своего места в международных отношениях» содержит справедливое замечание, что формирование внешнеполитической идентичности монархического Ирана было связано с личностью Реза-шаха и Мохаммад Реза-шаха из династии Пехлеви (1925—1979 гг.), а в период Исламской Республики Иран (ИРИ, с 1979 г.) — с именами, прежде всего, верховных лидеров страны Р.М. Хомейни и А. Хаменеи. В число концепций идентичности включены паниранизм и панисламизм/паншиизм. Принцип необходимости защиты национальных интересов был положен в основание теории создания «цепи сопротивления» и присутствия Ирана в Ливане, Сирии и Ираке. Действующий верховный лидер ИРИ А. Хаменеи указал на ислам, персидский язык и джафаритский мазхаб как источники силы региональной политики Ирана, обеспечивающие «стратегическую глубину иранских региональных позиций» [Ближний Восток... 2020: 241].

В целом отмечена вариативность в иранской самоидентификации, наличие нескольких идентичностей, что отнюдь не приводит к «внешнеполитической шизофрении» [Ближний Восток... 2020: 242]. Наличие нескольких внешнеполитических «Я» у Тегерана является, по мнению авторов рецензируемой монографии, «своеобразной сильной стороной ИРИ, когда их используют правильно».

Раздел VII посвящен анализу идентичностей в динамике ближневосточных конфликтов, в которых стратегические и тактические союзы складываются зачастую именно на основе общих элементов идентичности — конфессиональной, этнической, племенной. Динамика этнополитической конфликтности в регионе детерминирована политизацией этничности и религии. Причем, как справедливо подчеркивается в работе, культурные различия не являются драйверами конфликта, а становятся таковыми в процессе их политизации [Ближний Восток... 2020: 263]. Фактор идентичности нередко используется в странах региона как инструмент мобилизации в борьбе за контроль над ресурсами и территорией [Ближний Восток... 2020: 265].

Раздел VIII «Продвижение западных политических моделей на Ближний Восток» затрагивает проблему соотношения традиционных ценностей и внешнего влияния,

которое не всегда приживается в ближневосточной культурно-цивилизационной среде. Вместе с тем необходимо учитывать внешний фактор — прежде всего влияние Запада на процесс формирования современных политических систем и политической идентичности в государствах региона.

В главе 22 «Европейский опыт — политика ЕС» сделан важный вывод о том, что «политика ЕС в отношении арабских стран представляет собой процесс *постепенного вовлечения* их в ценности и практики *Acquis communautaire*», что является и самостоятельной целью, и средством реализации европейских интересов [Ближний Восток... 2020: 307].

В целом коллективный труд российских востоковедов не только подводит итоги развития ближневосточных обществ в годы становления их суверенитета и государственности, но с учетом теоретической и практической значимости затронутых в нем проблем нацеливает на дальнейшие перспективные исследования, в том числе незавершенных в полной мере процессов национально-государственного строительства и специфики позиционирования государств Ближнего Востока на международной арене в условиях, когда культурно-цивилизационная принадлежность становится особым внешнеполитическим ресурсом.

Поступила в редакцию / Received: 25.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 02.04.2021

Библиографический список / References

Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2020. [Zvyagelskaya, I.D. (Eds.). (2020). *The Middle East: Politics and identity*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).]

Сведения об авторах: Белов Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-6112-5550; e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru

Савичева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

About the authors: Belov Vladimir Ivanovich — Dr. of Sc. (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0001-6112-5550; e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru
Savicheva Elena Mikhailovna — PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru